

© 2000 г., ЭО, № 3

Б.А. Калоев

МАРК ОСИПОВИЧ КОСВЕН – КАВКАЗОВЕД

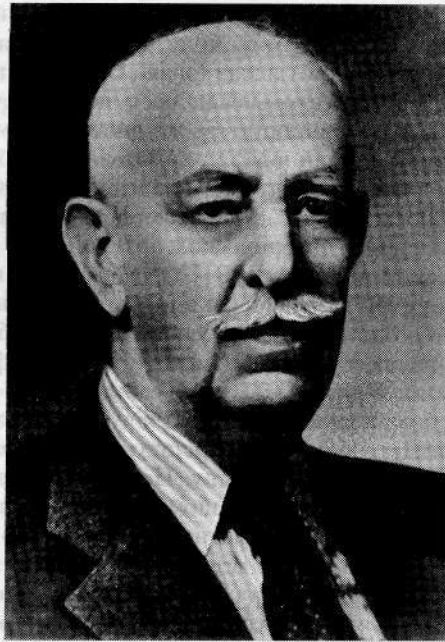
Отечественную этнографическую науку советского периода невозможно представить себе без Марка Осиповича Косвена, одного из ее корифеев, автора более 500 опубликованных работ, выдающегося теоретика по проблемам первобытности. Такие его труды, как «Матриархат. История проблемы» (М.; Л., 1948), «Очерки истории первобытной культуры» (М., 1953), «Семейная община и патронимия» (М., 1963) переведены на чешский, румынский, немецкий, китайский, японский языки.

Особую и весьма обширную область его исследования составлял Кавказ, изучению которого ученый отдал последние десятилетия жизни, решив столько проблем в кавказоведении, что для выполнения их понадобился бы труд нескольких специалистов. Огромная научная деятельность М.О. Косвена сочеталась с талантом организатора науки. Более 14 лет (с 1943 по 1957 г.) он руководил сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии Российской АН). Под его руководством подготовили кандидатские и докторские диссертации десятки человек, принадлежащих к различным национальностям Кавказа. Этот период можно назвать эпохой становления и развития кавказоведения. К сожалению, жизнь и деятельность М.О. Косвена, его огромный научный вклад в кавказоведение не стали еще предметом специального исследования¹.

В данной работе делаются попытки хоть отчасти восполнить этот пробел, воссоздать образ М.О. Косвена как ученого и человека. Судьба связала меня с ним на многие годы (1948–1967) на поприще кавказской этнографии. Думаю, что мои воспоминания обогатят наши представления об этом выдающемся ученом-кавказоведе.

М.О. Косвен родился 11 января 1885 г. в Брест-Литовске, в семье аптекаря. По окончании Петербургской гимназии в 1904 г. два года изучал естественные науки в Парижском университете, в 1909 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где слушал лекции М.М. Ковалевского, под влиянием которого определились его научные интересы, возникла тяга к этнографии Кавказа. Марк Осипович с гордостью считал себя учеником Ковалевского, посвятил ему подробный критико-библиографический обзор². Косвен с успехом продолжил дело Ковалевского по изучению древних общественных форм жизни кавказских народов. В своих выводах Марк Осипович во многом сходилась со своим учителем. Их объединяли колоссальная работоспособность, любовь к занятиям в архивах (многие из опубликованных научных трудов обоих исследователей в значительной степени основаны на архивных документах). Еще одна черта объединяла этих ученых: оба они обладали большим искусством чтения лекций, вызывавших восхищение студенческой аудитории. Разница между учеными заключалась в характере привлекаемого материала: М.М. Ковалевский объехал почти весь Нагорный Кавказ, широко использовал свои полевые записи³. Марк Осипович в отличие от учителя полевыми этнографическими исследованиями не занимался.

Окончив университет, Марк Осипович вел в Петербурге адвокатскую практику. Позже он – участник первой мировой войны, служил в частях Красной Армии, откуда демобилизовался в 1921 г. Поселившись в Москве, М.О. Косвен служил в адвокатуре, вел научную работу в ряде институтов, много лет читал лекции по первобытной



Марк Осипович Косвен

истории на истфаке МГУ. В 1943 г., с основанием в Москве Института этнографии АН СССР он возглавил созданный в нем сектор народов Кавказа. С того времени началась его многолетняя активная деятельность на поприще кавказской этнографии.

М.О. Косвен умер 18 июня 1967 г. после тяжелой и продолжительной болезни. После кремации Ольга Ивановна, супруга покойного, позвала домой нас, нескольких человек, в том числе был и В.К. Гарданов. Тогда же мы познакомились с сыном Марка Осиповича от первого брака – врачом, работавшим в Караганде. Войдя в рабочий кабинет ученого, я не заметил в нем никаких следов библиотеки или архива. Я давно знал, что Марк Осипович не любил покупать книг и не собирал их, дарственные же сдавал в библиотеку института. Не хранил он и архивные материалы, со столь большим трудом им находимые в архивохранилищах. Используя источник, он тут же рвал его и выбрасывал, а вместе с ним, по его словам, нередко выбрасывал и нужный материал, создавая для себя дополнительные хлопоты для его восстановления.

До переезда в 1950-х годах в трехкомнатную квартиру в кооперативном доме Марк Осипович жил в коммуналке, населенной, кажется, пятью семьями, в большом старом восьмиэтажном кирпичном доме на улице Мархлевского. Семья Марка Осиповича занимала две комнаты в этой квартире, с общими санитарными удобствами (он иронически замечал что, отправляясь утром по своим надобностям, вынужден стоять в очереди). Несмотря на плохие бытовые условия, в те годы М.О. Косвен написал именно тогда лучшие свои книги. Будучи ученым секретарем сектора Кавказа, я не раз бывал в этой квартире, частенько заставал большого пушистого кота, любимца своего хозяина, лежащим на его письменном столе. Тогда же впервые я заметил на стенах комнат дорогие картины, количество которых постоянно росло. Марк Осипович, располагая немалыми деньгами (получал за заведование нашего сектора и сектора истории народов Дагестана Дагестанского филиала АН СССР и за чтение лекций в МГУ), прекрасно разбираясь в искусстве, коллекционировал картины, создав целую галерею. Спустя много лет, в конце жизни, он ее продал.

Многочисленные труды М.О. Косвен создавал благодаря своему таланту и колоссальному труду, который был строго регламентирован. Рабочий день у него начинался рано утром и продолжался с перерывом до ночи. Ученый очень дорожил утренними часами; от часу до трех непременно отдыхал (зная это, никто не смел его тревожить, мне приходилось предупреждать об этом искавших с ним встречи кавказцев, которые, недоумевая и разводя руками, говорили: «Кто же днем спит?»). Время, свободное от работы в институте и чтения лекций в МГУ, он проводил в библиотеках и архивах, ведя многочисленные изыскания. Особенно много работал Марк Осипович в библиотеке им. В.И. Ленина (теперь Российская государственная библиотека – РГБ) и в Центральном Государственном военно-историческом архиве (ныне Российский Государственный военно-исторический архив – РГВИА). Мне тоже приходилось бывать в архиве, и я часто встречал его, работавшего вплоть до позднего вечера даже тогда, когда ему было под 80 лет. Марк Осипович удивительно требовательно относился к своим рукописям с точки зрения содержания и литературного оформления. Он говорил, что за своей рукописью «ухаживает», как за ребенком, долго и основательно готовя ее к печати. Такие же требования он предъявлял к чужим рукописям, с которыми ему приходилось иметь дело. Допущенные погрешности, тем более грамматического характера, он не прощал даже родному сыну. Получая от него письма из далекого Казахстана, он исправлял красным карандашом окончания слов, расставлял точки и запятые по местам и отправлял ему обратно. Считая свою рукопись совершенно безупречной, Марк Осипович терпеть не мог, когда ее правили. На этой почве у него нередко бывали неприятности с редакторами журнала «Советская этнография». Исправление чужой рукописи он считал преступлением и как юрист для подтверждения этого указывал на статью судебного кодекса, по которой такой «виновник» наказывается. Своего твердого мнения Марк Осипович придерживался и по поводу написания некоторых слов, высказывая его на проводившихся им занятиях с аспирантами института на тему «Как писать и готовить текст рукописи». Еще одна отличительная черта М.О. Косвена, указывающая также на его требовательность к себе и подчиненным: в конце каждого года, когда сектор отчитывался о проделанной работе за истекший год, он, по установленной им же традиции, первым клал на стол отпечатанный и выправленный текст своей рукописи, призывая нас следовать его примеру. Этим он нас загонял в угол, так как некоторые не успевали подать свои работы к сроку, создавая, таким образом, конфликтные ситуации. Одним словом, Марк Осипович, не знавший усталости, беспредельно преданный науке, оказывал на нас большое психологическое воздействие, служил для нас во всем примером для подражания.

Большой талант отличал Марка Осиповича в его научно-организационной деятельности. Возглавляемый им сектор народов Кавказа стал главным в нашей стране организующим и направляющим центром изучения кавказской этнографии. Можно смело говорить, что этнография как наука закрепились почти во всех регионах Кавказа только в этот период благодаря Марку Осиповичу и его многочисленным ученикам – представителям коренных народностей региона.

Большая заслуга принадлежит Косвену в организации и проведении двух научных сессий в Тбилиси и Москве с участием значительного числа ученых-кавказоведов Москвы, Ленинграда, республик и областей Кавказа. На московской сессии, проходившей в апреле 1948 г. в здании Академии наук на Волхонке в течение недели, мне, недавно принятому аспиранту, также посчастливилось участвовать, прослушав несколько докладов из 16 представленных⁴. Запомнилось привлечшее большое внимание аудитории выступление М.О. Косвена на тему «Теоретические и практические задачи этнографии Кавказа».

По замыслу М.О. Косвена главной задачей сессии было обсуждение томов «Народы Кавказа» серии «Народы мира», главы которых были написаны еще до начала Великой Отечественной войны. На сессии в процессе обсуждения выяснилось, что по некоторым народам материал даже не представлен, а многие имевшиеся разделы требуют серьезной доработки. Одним словом, над томами предстояла еще большая

работа; позже в ее выполнении пришлось участвовать и мне. При обсуждении этих работ звучали и такие слова: «С томами мы родились и с томами умрем». И действительно, некоторые авторы статей обоих томов «Народы Кавказа», к сожалению, не дожили до их выхода.

Из большого числа участников Московского совещания кавказоведов я знал тогда лишь нескольких. Только недавно, спустя 50 лет, благодаря сохранившейся в личном архиве ныне покойной Н.Г. Волковой групповой фотографии я увидел весь состав участников сессии, из которых позже со многими близко познакомился, годами общался, совместно участвовал в коллективных работах. Среди них находим М.О. Косвена, Е.М. Шиллинга, Е.С. Зевакина, Л.Б. Панек, Е.Н. Студенецкую, Л.И. Лаврова, Г.С. Читая, В.В. Бардавелидзе, Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе, Ш.Д. Инал-Ипа и др. На этом снимке увидел и себя рядом с известным осетинским экономистом, директором сельхозинститута (ныне Горская сельскохозяйственная академия) во Владикавказе Саханджери Дзокаевым, ученым под 60 лет, славившимся начитанностью и знанием языков. Он привез свою докторскую диссертацию Г.А. Кокиеву, который и пригласил его на кавказский этнографический форум. Прослушав несколько докладов, вероятно, оставшихся для него малопонятными, он в разговоре спросил меня: «Что это за наука и кто ее выдумал?» Я ответил: «Геродот». Он промолчал. Этот эпизод свидетельствует об уровне этнографических знаний в то время на Кавказе даже среди ученых.

М.О. Косвен делал многое для развития кавказской этнографии, объединения усилий ученых-кавказоведов. Почти каждую неделю устраивалось заседание сектора, на котором большей частью выступал он сам с каким-нибудь проблемным докладом. На заседании должны были присутствовать аспиранты и студенты МГУ, занимавшиеся изучением Кавказа, а также приглашенные известные ученые-кавказоведы, представители смежных наук: археологи, антропологи, историки, языковеды, юристы – специалисты по обычному праву. Мне как секретарю сектора приходилось оповещать заранее о повестке дня заседания (к сожалению, эта традиция, после ухода Марка Осиповича на пенсию пресеклась, сотрудники сектора при решении проблем стали ограничиваться своим узким кругом). На этих заседаниях я впервые познакомился с выдающимися кавказоведами – Е.И. Крупновым, Е.Н. Кушевой, Н.Ф. Яковлевым, А.В. Фадеевым, Г.Ф. Дебецом и др. На заседаниях с докладами выступали также Е.С. Зевакин и А.М. Ладыжинский. Я горжусь тем, что с этими учеными находился много лет в добрых и дружеских отношениях.

М.О. Косвен, обладая большим талантом в организации науки, в 1950-х годах по совместительству несколько лет заведовал сектором истории народов Дагестана Дагестанского филиала АН СССР. Взяться за это дело Марка Осиповича уговорил зам. председателя Дагестанского филиала АН СССР Х.-М.О. Хашаев, известный историк и общественный деятель. Хотя М.О. Косвен руководил сектором из Москвы, не выезжая в Дагестан, он за период своего руководства сумел осуществить ряд ценных публикаций, касающихся истории и этнографии дагестанских народов, в числе которых – объемистый сборник архивных документов, выявленных самим ученым⁵. В круг его занятий входили также редактирование рукописей сотрудников, консультации приезжавших из республики специалистов.

При активном участии М.О. Косвена в 1954 г. в Махачкале прошла научная сессия по истории народов Дагестана, первая в своем роде, довольно представительная – союзного масштаба – с присутствием ученых из Москвы, Ленинграда, ряда республик Кавказа. Характерно, что Марк Осипович, крупный специалист по истории первобытного общества, выступил на ней с докладом «Изучение социалистической культуры и быта народов Дагестана», весьма далеким от его научных интересов.

В 69-летнем возрасте Марк Осипович впервые посетил Дагестан. На Кавказе он был ранее всего один раз в 1936 г. Тогда в компании с молодым Г.А. Кокиевым он совершил поездку в Джавское ущелье Южной Осетии. Его полевой материал послужил источником для разработки проблемы одного из видов общественной организации –

патронимии. По существу же М.О. Косвен был кабинетным ученым, а потому, по мнению некоторых его недругов, не имел права заведовать сектором Кавказа, ибо «не был этнографом-полевиком, не мог глубоко знать народы, населяющие регион». В этих суждениях не учитывались ни возраст ученого, ни его участие в решении сложнейших теоретических проблем кавказской этнографии, ни работы его в архивах и выявление в них множества ценнейших источников по этнографии Кавказа.

В дальнейшем Марк Осипович решил сосредоточить свои усилия на изучении Северного Кавказа и общих проблем кавказской этнографии. В моем личном архиве сохранилась докладная записка М.О. Косвена от 24 декабря 1954 г., написанная от руки мелким красивым почерком, адресованная в дирекцию института. В нем подводятся итоги работы сектора за период его существования и сформулированы задачи на будущее. «В течение ряда лет сектор Кавказа, – говорится там, – занимался в основном этнографией Дагестана. Тем временем в Дагестане создались свои кадры этнографов, которые ныне работают самостоятельно. Поэтому работу по Дагестану сектор прекращает, лишь заканчивая работы незавершенные». Отмечая, что Дагестан не составляет исключения в этнографическом изучении Кавказа и подготовке местных кадров этнографов, М.О. Косвен далее пишет: «...для всех народов Кавказа созданы или создаются условия нормальной этнографической работы силами местных этнографов, естественно, знакомых с местным бытом, владеющих местными языками, имеющих объект изучения на месте, а не за тысячи километров». Здесь явный намек на то, что до начала 1950-х годов этнографию многих народов Кавказа, не имевших своих этнографов, изучали московские и ленинградские (петербургские) ученые наездами, не обладая теми преимуществами, которые имели местные.

Тем не менее заслуга столичных ученых, занимавшихся с 1920-х годов изучением горских народов Кавказа, громадна. Для начинающих специалистов они могут служить примером. Усилиями московских и ленинградских научных центров в Дагестане появились десятки знатоков в различных отраслях знания, в том числе несколько этнографов – питомцев М.О. Косвена: кумычка С. Гаджиева, лезгинка С. Агаширинова, даргинец А. Алиев – ныне доктора наук, авторы многих научных трудов.

Дагестан не составлял исключения. Развитие этнографической науки, возглавлявшееся учениками М.О. Косвена, происходило почти по всему Кавказу, включая, кроме Северного Кавказа, Азербайджан и Армению. В Азербайджане в числе учеников Косвена были А.А. Гулиев и М.И. Атакишиева, ставшие одними из первых этнографов республики. Для Армении Марк Осипович подготовил немало число этнографов, внесших большой вклад в изучение проблем армянской и общекавказской этнографии. Среди них – Эмма Карапетян, недавно скончавшаяся, талантливый ученый, доктор наук, оставившая много трудов, посвященных истории армянской семьи, и Дереник Вардумян, лучший знаток армянской этнографии, много лет возглавлявший сектор этнографии при Институте этнографии и археологии АН АССР.

Появлению первых этнографов из местных народностей на Северном Кавказе мы также обязаны Марку Осиповичу. К ним относятся Н.Ф. Токоева и автор этих строк – специалисты по этнографии осетин, Т.Т. Шикова, занимавшаяся этнографией кабардинцев, И.Х. Калмыков, работавший среди черкесов, знаток адыгейцев Э.Л. Коджесау и абхазов Л.Х. Акаба. Каждый из перечисленных учеников М.О. Косвена внес определенный вклад в изучение этнографии своего региона и всего Кавказа.

Подготовка кадров этнографов в Грузии велась самостоятельно, но и здесь не обходились без помощи Марка Осиповича. Известная грузинская исследовательница Р.Л. Харадзе, пробыв в течение всего 1954 г. в Институте этнографии АН СССР, подготовила свою докторскую диссертацию о грузинской семейной общине. Мне, по обязанности секретаря сектора, много приходилось общаться с этой умной, красивой и обаятельной женщиной, к сожалению, очень рано ушедшей из жизни. Ее диссертация, вышедшая в двух томах, является крупным вкладом в кавказоведение⁶.

Через М.О. Косвена проходила и докторская диссертация известного краснодарского историка М.В. Покровского «Очерки социально-экономической истории

адыгских племен в конце XVIII – первой половине XX в.» в двух томах. К этому ученому Марк Осипович отнесся очень благосклонно, всячески содействуя продвижению его работы. Опытный археолог и историк-кавказовед Михаил Владимирович, происходил из терских казаков ст-цы Ардонской в Северной Осетии; мать его была осетинкой – нередкий и в прошлом пример смешанных браков между казаками и осетинами. Конечно, мне было очень приятно познакомиться со своим талантливым «племянником», блестяще защитившим в том же 1958 г. диссертацию. К сожалению, он также рано ушел из жизни, но память о нем сохранит его фундаментальный труд, изданный благодаря усилиям адыгейской интеллигенции⁷.

Незабываемую память о себе оставил и другой докторант Марка Осиповича – аварец Хаджи-Мурат Омарович Хашаев. Именно он, как упоминалось, уговорил Косвена занять должность руководителя сектора истории при Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Приблизительно в 1954 г. Х.-М.О. Хашаев приехал в Москву для завершения докторской диссертации, которую написал под руководством Косвена⁸. Марк Осипович был очень доволен успехами своего подопечного.

Марк Осипович подготовил более 30 кандидатов и докторов наук. Его ученики работают во всех регионах Кавказа. Но он не только осуществлял научное руководство диссертациями своих учеников, но проявлял удивительную заботу о них и после завершения ими диссертации, старался, чтобы они получили работу, обращался по этому поводу к властям республик и областей Кавказа, руководящим лицам соответствующих научных учреждений. Выразительным примером может служить его письмо к директору Фундаментальной библиотеки АН СССР (в мае 1948 г.), благодаря которому была принята туда на работу моя бывшая супруга И.А. Калоева, отец которой был репрессирован. Авторитетный ученый охарактеризовал свою ученицу самым лучшим образом.

Многие помнят, какой интерес Марк Осипович проявлял к бытовым условиям своих аспирантов, их проблемам, семейным делам, предлагая нередко и денежную помощь нуждавшимся. С большой симпатией относился он и к уже упоминавшейся московской аспирантке, красавице Эмме Каралетян, ставшей известным ученым-армяноведом. Вообще, по моим наблюдениям, Марк Осипович даже в пожилом возрасте не оставался равнодушным к красивым женщинам. По его признанию, петербургский период жизни у него прошел довольно бурно. На одной отчетно-экспедиционной сессии в Ленинграде Марк Осипович, как всегда находясь в окружении своих аспирантов-кавказцев, прогуливаясь с ними по Невскому, обронил фразу: «Не знаю, может быть, где-то бегают и мои дети».

С кавказцами Марк Осипович был очень близок и откровенен, не раз участвовал с ними в застолье, хотя, страдая язвой желудка, не мог наслаждаться, блюдами острой кавказской кухни. По окончании одной московской отчетно-экспедиционной сессии, на которую съехались этнографы всего Кавказа, Марк Осипович (незадолго до ухода на пенсию) решил собрать своих учеников, поручив это мне, и дал для организации банкета в ресторане «Метрополь» 200 руб. – сумму в те времена немалую. Собралось около 45–50 чел., в основном ученики Марка Осиповича, которых он, сидя во главе стола, гордо обозревал. Накрыли столы на выделенную сумму, но когда кавказцы вошли в азарт, потребовали еще выпить, я, выступая в роли хозяина, конечно, не мог отказать и заказал еще, не спросив Марка Осиповича, за что при расчете он упрекнул меня: «Я же сказал тебе ограничиться этой суммой». Этот эпизод говорит не о скупости профессора, а скорее о его деловитости и аккуратности. Более того, он бывал очень щедр по отношению к симпатичным ему людям.

Марк Осипович гордился тем, что подготовил множество этнографов-кавказоведов, любящих науку, могущих продолжить, как он надеялся, его дело по изучению этнографии народов Кавказа, в частности их общественных форм и отношений, разрабатывавшихся им с 1931 г. В своей книге «Этнография и история Кавказа» он писал: «С глубокой радостью можем мы отметить, что за четверть века вырос ряд советских

этнографов Кавказа, успешно продолжавших и продолжающих до сих пор исследование этих тем кавказоведения»⁹. Здесь же он привел длинный перечень имен, среди которых абсолютное большинство составляли его ученики, разрабатывавшие, кроме отмеченных, и другие темы кавказской этнографии.

Как талантливый организатор науки Марк Осипович проявил себя и при подготовке томов «Народы Кавказа» серии «Народы мира», издававшихся Институтом этнографии АН СССР. В составлении первого тома¹⁰ приняло участие большое число его учеников; почти все тексты в разделе «Народы Дагестана» написаны ими на основании собственного полевого материала, непосредственно собранного на местах, при этом многие народы и этнографические группы республики, до сих пор неизвестные в литературе, впервые нашли свое освещение.

В то время, когда подготовка томов к сдаче в издательство была в разгаре, в правительстве решился вопрос о возвращении репрессированных народов Северного Кавказа из Средней Азии на места их прежнего поселения. Мне было поручено срочно подготовить разделы о чеченцах и ингушах и, выехав в 1957 г. в Чечено-Ингушетию для получения этнографических сведений о них, приходилось встречаться с пассажирами первых прибывавших эшелонов.

Второй том, посвященный народам Закавказья, почти целиком написан местными этнографами. В процессе составления и редактирования томов происходили многочисленные встречи и совещания авторских коллективов для обсуждения ряда нерешенных вопросов¹¹. В целом тома «Народы Кавказа» – уникальное издание, до тех пор небывалое, впервые дающее этнографическое описание всех народов, народностей и этнографических групп Кавказа.

Другим, не менее важным событием было основание М.О. Косвенем «Кавказского этнографического сборника», в котором нашли место публикации по самым различным темам кавказоведения. В числе авторов сборника – много учеников М.О. Косвена (Л.Х. Акаба, С.Ш. Гаджиева, Б.А. Калоев, Я.С. Смирнова и др.), в своих работах открывших новые страницы в этнографии горских народов Кавказа, касающиеся их общественного строя и семейного быта, материальной и духовной культуры, верований и т.д. Здесь невозможно перечислить все исследования, порой уникальные, вошедшие в сборник. Помню, как Марк Осипович долго и основательно редактировал для первого выпуска сборника рукопись скончавшегося в 1947 г. патриарха армянской этнографии С.Д. Лисициана «Очерки этнографии дореволюционной Армении». «Очерки...» предварялись его предисловием, в котором, в частности, говорилось: «Считаясь с тем, что С.Д. Лисициан является выдающимся знатоком армянской этнографии, Институт этнографии Академии Наук СССР обратился к нему в 1946 г. с просьбой написать для подготовлявшегося к изданию в серии "Народов мира" тома "Кавказ" раздел по этнографии дореволюционной и советской Армении. Степан Данилович, которому тогда уже исполнилось 80 лет, охотно принял это предложение, однако успел написать лишь первую часть раздела – этнографию дореволюционной Армении. Работа осталась, таким образом, незавершенной»¹².

Из девяти выпусков сборника три вышли при активном участии и руководстве М.О. Косвена; в них напечатан его фундаментальный и многолетний труд «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке», ставший настольной книгой каждого кавказоведа¹³. Представляя в своем роде уникальное исследование в кавказоведении, оно охватывает огромный исторический период от XV в. до Октябрьской революции и основано на русских литературных и архивных источниках, характеризующих историю этнографии народов Кавказа.

В первой части своего труда Косвен, просмотрев все существующее за этот период огромное количество печатных изданий (газеты, журналы, сборники, книги и пр.) на Кавказе и за его пределами, выявил 825 авторов, писавших об этнографии на русском языке, дал о них, по возможности, биографические сведения, определил авторов анонимных произведений. Неоценимое значение имеет привлечение массы до сих пор неизвестных архивных источников, в том числе рукописей иностранных авторов. Марк

Осипович, владея многими западноевропейскими и славянскими языками, исследуя годами архивохранилища Москвы и Ленинграда, открыл множество неопубликованных рукописей русских и иностранных авторов по Кавказу, сделав их достоянием науки. Мне приходилось наблюдать, какие гигантские усилия вкладывал он в этот труд для осуществления которого привлекал многочисленных корреспондентов, в том числе из местных кавказцев. Я стал одним из таких активных его помощников по выявлению данных об осетинских авторах, ставших известными благодаря находкам М.О. Косвена. Таковых оказалось более 80 чел. — учителей, священников, юристов, журналистов, поэтов и др., писавших на этнографические темы о своих народах статьи, очерки и даже книги. Отправляясь в командировку или экспедицию в Осетию, я брал составленный Косвенем список осетинских авторов с указаниями их произведений и, по возможности, собирал о них данные. Если удавалось открыть что-то новое или добыть дополнительные сведения об авторах, для Косвена это оказывалось большим подарком, принималось им с благодарностью. Не помню ни одного случая, чтобы он не упомянул в работе своего корреспондента, оказавшего ему услугу. В этом плане научная этика ученого может служить примером.

Рассматриваемый труд М.О. Косвена, потребовавший от него колоссальных усилий, отразил историю этнографического изучения почти всех народов Кавказа с начала XIX в. Для каждого десятилетия выявлялись авторы из местных народов. Так, по его данным в 1840-е годы появились у армян Хачатур Абовян (1804–1848), у адыгов Хан-Гирей (ум. 1846) и Ш.Б. Ногмов (1796–1844); в 1850-е годы — действовал новый отряд национальных этнографов: грузины Д.З. Бакрадзе и Н.Г. Берzenов, первый осетинский этнограф С. Жускаев и первый абхазский этнограф С.Т. Званба. В этот же период благодаря трудам К.Ф. Сталь, Н.И. Карлгофа и Л.Я. Люлье был сделан весомый вклад в этнографию адыгских народов. Таким образом, прослеживая по десятилетиям развитие этнографической науки у кавказских народов, М.О. Косвен совершил подлинное открытие, выявив их первых и последующих бытописателей и исследователей.

Благодаря изысканиям Косвена, мы узнаем и роль центральных журналов в развитии кавказской этнографической науки. Среди них «Русский инвалид», «Пантеон», «Москвитянин», «Русский вестник», «Современник», «Библиотека для чтения», «Рассвет», «Северная пчела», «Русское слово». На своих страницах эти журналы печатали статьи и очерки по различным темам кавказоведения.

Итак, первая часть рассматриваемого труда М.О. Косвена, напечатанная в 1955 г. в первом выпуске «Кавказского этнографического сборника», целиком основана на литературных данных. Во второй и третьей частях своего труда М.О. Косвен собрал данные из архивов Москвы и Ленинграда, открыв множество до тех пор неизвестных или малоизвестных рукописей, принадлежавших отчасти и крупным кавказоведам прошлого столетия, оставшихся вне поля зрения исследователей. Следует напомнить имена некоторых авторов.

Сюда относятся все путешественники XVIII в. (Штедер, Гюльденштедт, Паллас и др.), а также ряд авторов XIX в. И.Ф. Бларамберг (1800–1878), например, пробывший на Кавказе много лет, находясь на службе в русской армии, вел свои записи исключительно на немецком языке, отчасти на французском (его неопубликованные материалы на этих языках хранятся в архивах). Он известен как автор весьма содержательного трехтомного труда: «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа», вышедшего на немецком языке в Берлине в 1872–1876 гг.

Большая заслуга Марка Осиповича состоит в выявлении в различных архивах, в том числе в архиве АН СССР, нескольких томов рукописей акад. П.Г. Буткова (1775–1857), известного русского историка, составленных им в бытность его на Кавказе; они представляют несомненный интерес для этнографии кавказских народов.

Благодаря усилиям М.О. Косвена стали известны содержание и количественный состав неопубликованных записей Д.А. Милютин (1816–1912) — участника Кавказской

войны в Чечне и Дагестане, позже военного министра. Они хранятся в рукописном фонде РГБ. Материалы эти, большей частью полевые записки Милютинина, отличаются глубоким содержанием, характеризующим многие стороны жизни горцев. Ни один серьезный исследователь-кавказовед не может не воспользоваться ими.

Работая в архивах, Марк Осипович выявил массу новых сведений о многих авторах. Так, в архиве Академии наук СССР (Ленинград) ими обнаружены неизвестные до него два тома переплетенных рукописей акад. А.М. Шёгрена (1794–1855), составителя осетинской азбуки и осетинской научной грамматики. Хотя рукопись выполнена на шведском языке, Марк Осипович, для которого не существовало языкового барьера («Прочту даже на папуасском языке», – говаривал он), раскрыл ее содержание, определив, что она представляет собой путевые записки ученого, путешествовавшего по Кавказу, содержит ценные этнографические сведения по горским народам Северного Кавказа.

Несколько лет я был свидетелем гигантских усилий М.О. Косвена по выявлению (в архивах и по литературе) данных о жизни и деятельности знаменитого адыгского историка и этнографа первой половины XIX в. Хан-Гирея, названного «Черкесским Карамзиным». Марк Осипович уделил особое внимание поискам затерявшегося в архивных дебрях его двухтомного рукописного труда «Записки о Черкесии». В книге «Этнография и история Кавказа», посвятив Хан-Гирею обширный и весьма насыщенный фактами раздел¹⁴, он несколько раз с большим сожалением отмечал, что ему не удалось обнаружить этот труд. «Записки о Черкесии» Хан-Гирея найдены случайно научным сотрудником РГВИА В.А. Дьяковым в 1958 г. в подсобной библиотеке архива. Рукопись эта увидела свет только в 1978 г. в Нальчике отдельной книгой под тем же названием. «Записки о Черкесии» Хан-Гирея, ярко отразившие общественный строй, социальные различия, многие черты материальной и духовной культуры, верования адыгов того времени, могут служить ценным этнографическим источником. Марк Осипович в работе о Хан-Гирее, характеризуя и другие его произведения, опубликованные в упомянутых выше центральных журналах, справедливо указывает на их громадное значение для изучения этнографии и фольклора горцев всего Кавказа.

Особенно выделяются по своему объему и глубокому содержанию «Черкесские предания», опубликованные в журнале «Русский вестник» (1841, № 4–5), в то время не знавшие себе равных в кавказоведении. М.О. Косвен считает, что описываемые в них адыгская народная поэзия и народные сказания остаются «и по сей час единственными в адыгской литературе». Известно также, что Хан-Гирей был одним из первых, кто обратил внимание на нартовский эпос, записывал некоторые его сказания и отразил их в своих произведениях. М.О. Косвен считал это «выдающейся заслугой» Хан-Гирея.

Большое внимание Марк Осипович уделил выявлению и анализу литературного наследия декабристов на Кавказе, выделив для них в книге «Этнография и история Кавказа» раздел под названием «Декабристы-кавказоведы»¹⁵. Я наблюдал, с какой присущей ему энергией работал он над этой темой, добывая данные как в центральных, так и в местных архивах (с помощью своих корреспондентов – преподавателей вузов, сотрудников архивов и музеев). Всего М.О. Косвен обнаружил 11 декабристов, одни из которых оставили небольшие заметки или статьи этнографического характера, другие, как, например, А.А. Бестужев-Марлинский, – несколько томов. Марк Осипович полагал, что число декабристов-кавказоведов, вероятно, было гораздо больше, чем он выявил, надеялся на дальнейшее разыскание их последующими исследователями. Известно, что по воле судьбы декабристы, оказавшись на Кавказе в период разгара там Кавказской войны, будучи разжалованы в солдаты, находясь в штрафных ротах, участвовали в боевых действиях на самых ответственных участках, нередко получая право восстановления в прежнем офицерском звании. Декабристам строго запрещалось общаться с местным населением, заниматься литературным творчеством. Тем не менее, оказавшись в неизвестной им среде, пораженные героизмом горцев, защищавших свою независимость, они, будучи в своей основной массе высокообразованными людьми, не могли оставаться пассивными наблюдателями. Многие

из них, тайком от своих начальников, записывали обычаи, нравы, верования местного населения, публикуя свои записи на страницах газет и журналов нередко под псевдонимами. М.О. Косвен так характеризует деятельность декабристов на Кавказе: «Никогда, нигде, ни в одной строке всего написанного декабристами на Кавказе – не мелькает ни звука сколько-нибудь уничижительного отношения автора к народам Кавказа. Вынужденные участвовать в военных действиях против кавказских горцев, декабристы ни в коем случае не считают своих невольных противников "врагами". Только чувство глубокого интереса и уважения к народам Кавказа, к их культуре и их личным качествам владеет всеми декабристами, писавшими о Кавказе»¹⁶. Так, декабрист А.В. Веденяпин называл кавказцев «побежденными друзьями нашими»¹⁷, а декабрист В.С. Норов писал: «Признаюсь, что я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо... я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением»¹⁸. А.А. Бестужев-Марлинский, много лет пробывший на Кавказе, неоднократно участвуя в сражениях, отличаясь большой храбростью, восхищался умением горцев искусно сражаться и героически умирать. Произведения этого декабриста, созданные на кавказском материале, постоянно манили русскую интеллигенцию к экзотике Кавказа, служили важным источником для познания края.

М.О. Косвен, характеризуя 11 декабристов, восполняя их биографии, перечисляя их печатные труды, хранящиеся в архивах рукописи, особенно большое внимание уделил Бестужеву, ибо полагал, что его многочисленные литературные труды по Кавказу имеют неоспоримое значение для этнографии кавказских народов. «А.А. Бестужев не был ни историком, ни этнографом, – пишет М.О. Косвен, – однако все его кавказские повести и очерки показывают его напряженный и весьма серьезный интерес к Кавказу и народам Кавказа, к их истории, обычаям, фольклору. Во всех его кавказских произведениях рассеяно множество исторических данных и этнографических, подчас чрезвычайно метких, наблюдений... во всех его кавказских писаниях сказывается его глубокое уважение к народам Кавказа»¹⁹.

Исключительно ценной находкой М.О. Косвена, сделанной им в Российском государственном архиве древних актов в Москве (ранее – ЦГАДА), является небольшое (5 стр.), но весьма содержательное описание гребенских казаков – первых русских поселенцев на Кавказе в XVI в. Название «гребенские» идет от слова «гребень», что на местном диалекте означало «гора». Их предки – выходцы с Дона и Волги – поселились на Сунже и в устье Терека, занимая гористую местность с неглубокими ущельями, и, согласно данным этого документа, составляли сначала три «деревни» (Курдюково, Гладково и Шадрино), а затем пять с прибавлением двух «городков» (станции Новоглатская и Червленая), заселявшихся новыми беглецами из России. «Описание гребенских казаков» – единственный источник XVII и XVIII вв. по этой интереснейшей группе русских поселенцев на Тереке. Марк Осипович не мог установить его автора, он полагал, судя по грамотно составленному тексту, что им был русский офицер. Документ датируется 1722 г.; М.О. Косвен полагал, что он составлен в 1740 г., так как в нем упоминается царица Анна Ивановна, правившая с 1730 и умершая в 1740 г. Документ важен для выяснения дальнейшей судьбы гребенских казаков, несших на Тереке охранную службу, а затем после постройки Кавказской укрепленной линии (XVIII в.) вошедших в Терское казачье войско. Тогда же их поселения стали именоваться станицами. Памятник этот ярко отразил некоторые черты материальной культуры и быта гребенских казаков того времени, показав, что они жили в окружении местных племен, в том числе чеченских (*белсурцев* или *карабулакцев* и *гребенчуков*, видимо, выходцев из горной Чечни), испытывая их сильное влияние. Во всяком случае автор «Описания» был поражен тем обстоятельством, что у гребенских казаков ничего не сохранилось русского: их жилье и хозяйственные постройки, дворы, внутреннее убранство помещений, одежда и пр. были совершенно аналогичны горским. Во многом такое сходство культуры гребенских казаков с культурой местного населения отмечает и Л.Н. Толстой в своей повести «Казачья», напи-

санной по его личным наблюдениям в самой крупной ст-це Червленной, когда он находился там в 1852 г. в гостях у брата, офицера русской армии. Рассматриваемая находка М.О. Косвена, несомненно, должна нацелить исследователей на изучение гребенских казаков, весьма мало известных в литературе.

Анализ источников, выявленных Марком Осиповичем в различных архивах, можно было бы продолжить, настолько они были многочисленны и разнообразны и касались самых сложных проблем кавказоведения.

В заключение напомним еще об одной его крупной находке в РГВИА – серии рукописей, относящихся к народам Восточного Кавказа, почти целиком составленных русскими офицерами, участниками Кавказской войны в Дагестане и Чечне. В их числе были майор А. Серебров, унтер-офицер И. Дренякин, прапорщики А. Кремский и Н. Ртищев, поручик Генерального штаба Бларамберг и т.д. Причем многостороннее описание Дагестана А. Серебровым, армянином по происхождению, составляет большой объем исключительно ценных материалов, как отмечалось, опубликованных в Москве М.О. Косвенном отдельным объемистым сборником²⁰. Это описание явилось значительным вкладом в историю и этнографию кавказских народов.

В «Материалах по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» М.О. Косвен дал анализ многочисленных литературных и архивных источников, относящихся к этнографии отдельных народов Кавказа и к проблемам общекавказской этнографии. Эти источники свидетельствуют об историко-культурном развитии народов на протяжении многих веков – от послемонгольского нашествия до Октябрьской революции. Выяснилось, что для кабардинцев и западных черкесов, занимавших легко доступные равнину и предгорье региона, имеются более ранние и многочисленные этнографические сведения, чем для их соседей-горцев, по которым сведения охватывают позднее средневековье. По определению автора, этнография осетин, например, живших в труднодоступных горах Центрального Кавказа, начинается лишь публикацией путешественника Л.Л. Штедера (вторая половина XVIII в.).

Из анализа громадного количества источников, обнаруженных им самим, М.О. Косвен определил степень изученности различных сторон кавказской этнографии, включая главные отрасли хозяйства, землевладение и землепользование, социальные институты, общественный строй и семейный уклад, роль периодической и непериодической печати в развитии этнографической науки народов Кавказа и т.д. М.О. Косвен совершенно прав, указывая на то, что главные отрасли хозяйства – земледелие и скотоводство, хотя постоянно находились в центре внимания исследователей, неоднократно описывались, оставались все же недостаточно изученными. Автор этих строк, изучая несколько лет названные отрасли хозяйства у северокавказских народов, убедился в правоте таких слов²¹. По данным М.О. Косвена, кустарные промыслы, занимавшие большое место в занятиях особенно у горских народов Кавказа, стали объектом интенсивного изучения лишь с 1880-х годов. И действительно, к этому времени относится выход ряда ценных работ, посвященных домашнему суконному, войлочному и бурочному производству, а также обработке дерева, металла, камня и пр. Среди них особое место занимал труд О.Ф. Маркграфа, отличавшийся глубоким содержанием, основанным на большом фактическом материале²². Из него видно, что кабардинские и чеченские бурки, как и осетинские сукна, пользовались широким спросом на рынках Северного Кавказа, особенно у их главных покупателей – терских и кубанских казаков, для которых военной формой стал со времен генерала Ермолова горский костюм, состоявший из черкески, бешмета, бурки, башлыка и пр.

Общественные формы и отношения, составлявшие научные интересы М.О. Косвена, по его признанию, хотя постоянно и привлекали наиболее пристальное внимание кавказоведов, все же оставались недостаточно изученными. Большая патриархальная семья, например, – характерный институт у многих народов Кавказа, основательно рассмотрена М.М. Ковалевским, но после него не описывалась. Эта задача была выполнена стараниями советских этнографов-кавказоведов. Заслугой русской науки является и открытие в 1840-х годах рода на Кавказе²³. Исследования М.О. Косвена

выявили, что в литературе дается описание обычаев и социальных институтов с разной степенью подробности: в одних случаях фрагментарно (формы брака путем выкупа и похищения, положение женщины и суждение об этом и т.д.), в других – довольно подробно (аталычество, гостеприимство и куначество). По данным ученого, совершенно незамеченными остались общественный этикет, *тухум* (род), патронимия, очень мало описаны кровная месть, обычаи примирения кровников, соседская община, вольное общество, союз обществ и т.д. В то же время исключительно большое внимание было обращено на сбор и записи обычного права горцев Кавказа, проводившихся в широких масштабах в 1840–1860-х годах преимущественно военными. Огромный вклад в этом направлении внесли Ф.И. Леонтович, М.М. Ковалевский и И.Я. Сандрыгаило²⁴.

Народная медицина горцев Кавказа всегда поражала русских врачей своими умениями-целителями, делавшими сложнейшие хирургические операции. Русские врачи нередко обращались к этим целителям за помощью особенно в период многолетней Кавказской войны. Поэтому М.О. Косвен указывает на широкое отражение народной медицины горцев в литературе. По его словам, в источниках сохранились ее многочисленные описания, осуществленные русскими военными и гражданскими врачами²⁵.

Следы христианства, сохранившиеся в быту горцев, в частности осетин, предки которых, аланы, были христианами с X в., описывались только осетинским этнографом А.Г. Гатуевым. По сведениям М.О. Косвена, незамеченным оставалось на Кавказе и народное искусство, если не считать посвященные грузинам работы Д.И. Аракчиева (Аракишвили), крупного музыкального деятеля. В связи с этим нельзя не вспомнить и композитора С.И. Танеева, который, совершив в 1880-х годах поездку на Кавказ совместно с М.М. Ковалевским, находясь в гостях в доме балкарского князя Исмаила Урусбиева, описал балкарские народные музыкальные инструменты, а также создал несколько музыкальных произведений на кавказскую тему. Это был значительный вклад композитора в народное музыкальное искусство горцев Кавказа.

Как показал М.О. Косвен, с давних времен особый интерес в дореволюционной кавказоведческой литературе вызывал этногенез некоторых народов, прежде всего осетин, по мнению ряда ученых, потомков скифо-сарматов и алан. Языковед-ориенталист Г.-Ю. Клапрот был первым, кто, побывав в начале XIX в. в Северной и Южной Осетии, показал, что осетины – прямые потомки алан²⁶. Это положение было подтверждено В.Ф. Миллером в его знаменитых «Осетинских этюдах» и во многих других работах. В отличие от Клапрота он изучал осетин много лет, побывав несколько раз в Осетии, привлек для доказательства происхождения осетин от скифо-сарматов и алан массу неопровержимых источников – языковых, фольклорных, этнографических, эпиграфических, данных древних авторов и т.д.²⁷. Одним словом, миллеровские положения до сих пор остаются прочной основой для решения данной проблемы. Здесь мы не можем согласиться с М.О. Косвеном в том, что в «вопросе о происхождении осетин» в трудах дореволюционных авторов «удовлетворительного результата получено не было»²⁸.

Оценка Косвеном сборника античных материалов В.В. Латышева заслуживает большого внимания: он считал это издание выдающимся событием в кавказоведении, потому что оно содержит материалы, послужившие одним из важных источников для решения этногенетических проблем²⁹.

М.О. Косвен отмечал что работы ряда авторов (С.М. Броневского, Н.Ф. Грабовского, С.А. Егизарова, М.М. Ковалевского, Г.Ф. Чурсина) являют собой научные исследования, но в подавляющем большинстве дореволюционная этнографическая литература по Кавказу носит описательный характер, она создавалась главным образом учителями (нередко из самых отдаленных горных уголков), священниками, юристами, журналистами, писателями и даже поэтами. Превосходен, например, этнографический очерк «Особа» Коста Хетагурова, великого осетинского поэта.

Обширная этнографическая литература Кавказа обязана своим появлением газетам, сборникам, журналам и другим изданиям, выходившим здесь в большом коли-

честве. Наряду с немалым числом губернских и областных печатных изданий были и общекавказские. К ним относятся старейшие на Кавказе газеты: «Тифлисские ведомости» (1828–1832), «Кавказ» (1843–1917), многотомные издания «Материалы для описания местностей и племен Кавказа», «Известия Кавказского отдела Русского Географического общества», «Кавказский календарь» и многие другие. М.О. Косвен отмечал, что по количеству печатных изданий Кавказ не знал себе равных в царской империи, ничего подобного не знали Средняя Азия, Сибирь, Поволжье, Север.

При всем обилии конкретного материала кавказоведение до советского периода не имело какого-либо организующего научно-исследовательского центра. В этом Марк Осипович усматривал слабость дореволюционных кавказоведческих штудий.

Я попытался раскрыть содержание только нескольких работ М.О. Косвена по Кавказу, весьма содержательных. Можно еще много сказать о его многочисленных теоретических работах, посвященных в основном общекавказским этнографическим проблемам. Опираясь на эти работы ученого, его ученики, особенно из коренных народов, успешно разрабатывают те же проблемы кавказоведения, что и их многоуважаемый учитель.

Примечания

- ¹ Среди отдельных публикаций см.: Александров В.А., Лавров Л.И. М.О. Косвен (К 80-летию со дня рождения) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1945. № 2. С. 172–174.
- ² Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 223–244.
- ³ Калоев Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
- ⁴ Страницы отечественного кавказоведения. М., 1992. С. 30, 31.
- ⁵ История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (далее – ИГЭД). М., 1958.
- ⁶ Харадзе Р.Л. Грузинская семейная община. Т. I. Тбилиси, 1960; Т. II. Тбилиси, 1961.
- ⁷ Покровский М.В. Очерки социально-экономической истории адыгских племен в конце XVIII – первой половине XX в. Краснодар, 1978.
- ⁸ Хацаев Х.М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
- ⁹ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 3.
- ¹⁰ Народы Кавказа. Т. I. М., 1960.
- ¹¹ Народы Кавказа. Т. II. М., 1962.
- ¹² Кавказский этнографический сборник (далее – КЭС). Вып. I. М., 1955. С. 182.
- ¹³ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. I // КЭС. Вып. I. М., 1955. С. 265–374; Ч. II // КЭС. Вып. II. М., 1958. С. 139–274; Ч. III // КЭС. Вып. III. М., 1962. С. 158–288.
- ¹⁴ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. С. 184–208.
- ¹⁵ Там же. С. 155–184.
- ¹⁶ Там же. С. 156.
- ¹⁷ Там же. С. 158.
- ¹⁸ Там же. С. 177.
- ¹⁹ Там же. С. 167.
- ²⁰ ИГЭД С. 125–199.
- ²¹ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
- ²² Маркграф О.Ф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
- ²³ Ковалевский М.М. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. СПб., 1905.
- ²⁴ Косвен М.О. Материалы... Вып. I. С. 341. Вып. II. С. 244. Вып. III. С. 185–186, 213.
- ²⁵ Там же. Вып. III. С. 229.
- ²⁶ Библиографию трудов Г.-Ю. Клапрота на немецком и французском яз. см.: Косвен М.О. Материалы... Вып. I. С. 291.
- ²⁷ Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887.
- ²⁸ Косвен М.О. Материалы... Вып. III. С. 276.
- ²⁹ Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I, II. М., 1890–1909. О нем см.: Косвен М.О. Материалы... Вып. III. С. 223.